

14 Рѣчь, произнесенная и. д. профессора Восточнаго Института Н. И. Кохановскимъ на диспутѣ на степень магистра политической экономіи и статистики, въ публичномъ засѣданіи Юридическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Томскаго Университета, 15 мая 1916 года.

Избирая темою для своего труда опредѣленіе политической экономіи, или, иначе, экономики, какъ одной изъ социальныхъ наукъ, я руководился тѣмъ соображеніемъ, что такое опредѣленіе экономики имѣетъ для нея весьма важное значеніе и въ то же время представляетъ одну изъ нерѣшенныхъ проблемъ ея. Каждое научное изложеніе нашей науки заключаетъ вообще и опредѣленіе хозяйствованія и науки о немъ. Но эти опредѣленія во многихъ случаяхъ не представляются специально разработанными и не согласуются съ тѣмъ требованіемъ гносеологій, чтобы науки разграничивались между собою по характеризующимъ ихъ точкамъ зрѣнія, а не по эмпирически даннымъ объектамъ и явленіямъ, которые не могутъ не быть болѣе или менѣе общими для цѣлой группы наукъ. Опредѣленія хозяйствованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и науки о немъ, не

всегда безупречны также и въ томъ отношеніи, что не всегда удовлетворяютъ требованію возможно полнаго обозначенія содержанія ихъ, не охватываютъ собою всѣ практически важные случаи хозяйствованія. Въ связи съ этимъ не всегда находятъ себѣ должное выясненіе и признаніе также экономической принципъ, частью игнорируемый при этомъ, частью же разсматриваемый, какъ имѣющій гораздо болѣе обширное приложеніе, нежели область дѣятельности, подлежащей изученію въ политической экономіи.

То направленіе научнаго изслѣдованія, которое исходитъ изъ предположенія группы наукъ, изслѣдующихъ социальную жизнь съ различныхъ точекъ зрѣнія, и изъ гносеологическихъ заданій, общихъ для всей этой группы наукъ, можетъ быть поэтому названо социальнымъ-научнымъ. Исходнымъ понятіемъ, объединяющимъ всю эту группу наукъ, должно принять понятіе культуры, т. е. совокупнаго строя разностороннихъ социальныхъ отношеній, въ которыхъ люди проявляютъ свои высшіе способности и задатки и достигаютъ подчиненія себѣ природы въ ея самобытномъ видѣ. Понятіе культуры не представляется лишь отвлеченнымъ теоретическимъ понятіемъ, но находитъ себѣ также вполне реальное выраженіе въ тѣхъ различающихся между собою комплексахъ разностороннихъ проявленій культуры, которыя вырабатываются и усваиваются націями, эпохами и индивидами и опредѣляютъ собою общее направленіе жизни націй, эпохи или индивида. Отсюда вытекаютъ практическое начало культурности и основанные на немъ культурныя оцѣнки и выборъ культурныхъ средствъ и цѣлей. Избѣгая метафизики, должно отказаться отъ научной идеализаціи или абсолютнаго представленія указанныхъ сейчасъ проявленій культуры и признать относительность ихъ и разнообразіе въ дѣйствительной жизни. Помимо отмѣченной системы культурности въ цѣломъ, націи, эпохи, индивиды имѣютъ дѣло съ отдѣльными отраслями или сторонами культуры. Послѣднія обладаютъ внутренней самостоятельностью и въ то же время состоятъ въ отношеніяхъ взаимодѣйствія и взаимоограниченія; каждая изъ нихъ находится также въ извѣстномъ соотношеніи къ системѣ культурности въ цѣломъ.

Что касается сферы приложенія культурности въ цѣломъ и въ ея частичныхъ выраженіяхъ, то теоретически необходимо принять распространеніе на всю область соціальной жизни, но въ то же время признать, что въ дѣйствительной жизни культурность въ цѣломъ и въ ея частичныхъ выраженіяхъ ограничивается болѣе узкими рамками, различными для отдѣльныхъ субъектовъ, а равно для каждаго изъ частичныхъ выраженій культурности и для культурности въ цѣломъ.

Обращаясь къ экономикѣ, должно признать, что она имѣетъ своимъ содержаніемъ всѣ, по крайней мѣрѣ, признаваемыя практически важными¹ проявленія хозяйствованія, рассматриваемыя ею при предположеніи соприкосновенія ихъ съ аналогичными проявленіями, относящимися къ инымъ сторонамъ культуры или къ системѣ культурности въ цѣломъ и изучаемыми въ иныхъ специальныхъ наукахъ о соціальной жизни, не исключая социологіи. Имѣя своею задачею изслѣдованіе конкретныхъ системъ культурности въ цѣломъ, социологія представляетъ тѣмъ не менѣе специальную науку, отнюдь не могущую ни поглотить иныя соціальныя науки, какъ это предполагалъ инициаторъ социологіи А. Сомте, ни представить собою общую, высшую науку по отношенію къ прочимъ соціальнымъ наукамъ.

Представляется вообще едва ли не общепризнаннымъ, что предметомъ изученія въ соціальныхъ наукахъ являются отношенія. Ближайшее опредѣленіе ихъ, какъ отношеній между людьми и вещами или какъ отношеній между вещами, лишаетъ изучаемыя тою или иною соціальною наукою отношенія всякаго научнаго содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, изученіе отношеній между людьми и вещами было бы равносильно изученію изолированнаго индивида; между тѣмъ самое предположеніе изолированнаго индивида представляетъ недопустимую абстракцію. Отношенія же между вещами ставятъ людей въ положеніе лишь внѣшнихъ наблюдателей, какъ въ наукахъ о

¹) Иначе говоря, принадлежащія конкретнымъ фактамъ, хозяйственная сторона которыхъ не признается вообще совершенно подчиненной какой-либо иной сторонѣ ихъ, наприм., религіозной, военно-политической и. т. п.

природѣ; совмѣстная человѣческая дѣятельность, представляющаяся продуктомъ сознанія и воли, могла бы выразиться при этомъ лишь въ процессѣ изученія отношеній между вещами. Всѣ вообще проявленія хозяйствованія основываются на совмѣстныхъ рыночныхъ оцѣнкахъ, соединеніи и раздѣленіи производственной дѣятельности, соединеніи и раздѣленіи въ области потребленія, на совмѣстно проводимыхъ экономическихъ понятіяхъ и установленіяхъ, на постоянно проявляющемся стремленіи размежевать области проявленія личныхъ интересовъ при содѣйствіи началъ общности интересовъ, возмездности и конкуренціи. Все это и находить себѣ выраженіе въ социальныхъ взаимоотношеніяхъ. Нѣкоторыя изъ социальныхъ наукъ, какъ правовѣдѣніе, социологія, категорически признають своимъ объектомъ соотвѣтствующаго рода социальные отношенія.

Признаніе социальныхъ отношеній основнымъ элементомъ хозяйствованія представляетъ важность для экономики не только съ точки зрѣнія опредѣленія ея, но и при разрѣшеніи вопросовъ о всецѣлой матеріалистичности или нѣтъ хозяйствованія, о классификаціи совокупнаго экономического развитія и о расчлененіи или нѣтъ экономической науки.

Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то экономика необходимо предполагаетъ нѣкоторое внѣшнее выраженіе изучаемыхъ ею явленій, обусловливающее зафиксированіе и социальную постигаемость ихъ. Когда дѣло идетъ о физическомъ трудѣ, о вещественныхъ благахъ, то присущій имъ матеріальный характеръ обезпечиваетъ это. Но когда дѣло идетъ о строго невещественныхъ благахъ, какъ промышленная привилегія, то внѣшнее выраженіе ихъ не заключается въ ихъ сущности, но придается имъ символическою формою выраженія, т. е. тѣмъ актомъ, который обезпечиваетъ признаніе и постиженіе указанныхъ невещественныхъ объектовъ хозяйствованія¹. Это находить себѣ аналогію, на ряду съ различеніемъ тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ вещей, также въ различеніи правомъ въ составѣ

¹) Смолт.: A. Schäffle. Die nationalökonomische Theorie der ausschliessenden Absatzverhältnisse usw. Tübingen. 1867. S. 135 f.

юридическихъ дѣйствій собственно волеизъявленій, находящихся себѣ символическое лишь выраженіе, относя сюда и словесное или письменное выраженіе ихъ. Указанное двойное внѣшнее выраженіе объектовъ хозяйствованія не поддается строгому разграниченію: такъ, полноцѣнная монета представляется матеріальнымъ объектомъ, но биллонная монета и, въ еще большей мѣрѣ, бумажныя деньги представляются уже лишь внѣшнимъ выраженіемъ извѣстной величины экономической цѣнности; каллиграфическій текстъ представляется матеріальнымъ объектомъ, текстъ научнаго сочиненія — лишь символическимъ выраженіемъ его. Признаніе необходимости извѣстнаго внѣшняго выраженія всѣхъ вообще хозяйственныхъ объектовъ въ указанныхъ двухъ формахъ представляется намъ единственно правильнымъ разрѣшеніемъ перваго изъ приведенныхъ выше вопросовъ.

Для втораго вопроса признаніе социальныхъ отношеній соотвѣтствующаго рода основнымъ элементомъ хозяйствованія ведетъ къ отрицанію всѣхъ тѣхъ классификацій экономическаго развитія, которыя не построены на этомъ элементѣ. Въ этой классификаціи не слѣдуетъ именно ограничиваться характеристикой отдѣльныхъ эпохъ въ торгово-промышленной дѣятельности, которая не исчерпываетъ всей практически важной области хозяйствованія и въ которой хозяйствованіе представляетъ лишь одну изъ практически важныхъ сторонъ ея. Классификація экономическаго развитія можетъ имѣть лишь теоретическій характеръ и значеніе, объединяя въ одной ступени развитія черты, возникающія разновременно и лишь впоследствии совмѣщаемыя въ одномъ экономическомъ строѣ, и представляетъ собою характеристику экономическаго развитія вообще, безъ отнесенія къ опредѣленнымъ историческимъ, географическимъ или этнографическимъ рамкамъ. Въ виду того, что хозяйственныя взаимоотношенія находятъ себѣ наиболѣе общую характеристику въ экономическихъ оцѣнкахъ и въ осуществляемомъ съ помощью ихъ началѣ возмездности, различеніе ступеней экономическаго развитія должно приурочить къ порядку опредѣленія экономическихъ оцѣнокъ и къ характеру примѣняемыхъ при этомъ эквивалентовъ. Изъ суще-

ствующихъ въ экономической литературѣ оригинальныхъ теорій экономического развитія ближе всего подошелъ къ указаннымъ гносеологическимъ заданіямъ Bruno Hildebrand, придавшій однако своей классификаціи внѣшній симптоматологическій и, несмотря на то, идеологическій характеръ и ограничившій ее тремя ступенями.

Хозяйственныя взаимоотношенія фактическія или потенциальныя представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ основной элементъ хозяйства, которое теоретически можно опредѣлить какъ болѣе или менѣе планомерно организованную систему хозяйственныхъ интересовъ, дѣйствій и отношеній. Это общее понятіе распространяется на болѣе спеціальныя понятія отдѣльнаго, народнаго и мірового хозяйства, къ которымъ примыкають менѣе законченныя хозяйственныя системы, какъ областныя, краевыя, колониальныя и охватывающія собою нѣкоторыя лишь государства или ихъ части. Въ виду того, что всѣ эти хозяйственныя системы имѣютъ въ своемъ составѣ одни и тѣ же хозяйственныя отношенія, базируются на однихъ и тѣхъ же или сходныхъ экономическихъ понятіяхъ и установленіяхъ и хозяйственныхъ оцѣнкахъ и руководятся хозяйственнымъ принципомъ, онѣ представляютъ собою одну общую систему, вкратцѣ называемую народнымъ хозяйствомъ въ виду подчиненія ея государству и подлежащую изслѣдованію въ одной нераздѣльной наукѣ. Расчлененіе ея на особыя науки частнохозяйственную, народнохозяйственную и о міровомъ хозяйствѣ, нашедшее себѣ сторонниковъ въ германской литературѣ, не можетъ быть такимъ образомъ принято и объясняется тамъ съ одной стороны широкимъ развитіемъ высшихъ коммерческихъ школъ и задачами преподаванія въ нихъ, съ другой же—міровыми стремленіями германской внѣшней политики и торговли. Но и тамъ эти попытки расчленивъ хозяйственную дѣятельность и экономическую науку встрѣтили отпоръ со стороны представителей болѣе строгой науки.

Наконецъ, признаніе хозяйственныхъ взаимоотношеній основнымъ элементомъ хозяйствованія имѣетъ слѣдствіемъ отрицаніе индивидуалистическаго направленія экономической науки,

будеть ли то субъективно-или же типическо-индивидуалистическое направлѣніе. Индивидуальные факты и явленія должны при этомъ разсматриваться, какъ могущіе имѣть мѣсто лишь въ предѣлахъ соціальной жизни и представляющіе одно изъ выраженій и именно болѣе частное выраженіе ея.

Въ вопросѣ о правильномъ научномъ направлѣніи должно признать рѣшающее значеніе слѣдующихъ соображеній: научная дѣятельность должна основываться на правильномъ сочетаніи методовъ индукціи и дедукціи; соціальная жизнь направляется сознаниемъ и волею людей, а не психическими переживаніями, которыя поэтому могутъ быть главнымъ предметомъ изученія лишь для специальной науки, а не всѣхъ вообще соціальныхъ наукъ, ни, въ частности, экономической; въ области соціальныхъ наукъ чисто объективное направлѣніе изслѣдованія и недостаточно и неосуществимо, такъ какъ научныя данныя получаютъ въ нихъ путемъ внутренняго, а не внѣшняго познаванія, и попытки свести проявленія сознанія и воли людей къ механической связи явленій представляютъ лишь своего рода фикцію; соціальныя, въ частности экономическія понятія-установленія, какъ они проявляются въ дѣйствительной жизни и выясняются наукой, представляютъ единственно возможное, но и необходимое выраженіе нормативной правильности соціальной, въ частности хозяйственной жизни; практическое направлѣніе, послѣдовательно проводимое въ существованіи людей, не должно быть игнорируемо и можетъ быть постигнуто изученіемъ принадлежащихъ сюда фактовъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и при томъ какъ продуктовъ сознанія и воли людей; въ основу теоретической системы экономики должно быть, наконецъ, положено правильное отграниченіе ея отъ иныхъ соціальныхъ наукъ и ея содержанія отъ содержанія ихъ.

Та руководящая точка зрѣнія, которою опредѣляется содержаніе хозяйствованія и вмѣстѣ съ тѣмъ науки о хозяйствованіи, есть экономической принципъ. Это не есть какой-то инстинктъ человѣческой природы или психологическій стимулъ человѣческой дѣятельности, но правило разума,

посильно постигаемое и проводимое людьми. Наибольше краткія формулировки этого принципа страдают неполнотой и односторонностью. Въ научной литературѣ мы встрѣчаемся, помимо краткой, нѣсколько избытой формулировки, и съ попытками всесторонней, по возможности исчерпывающей характеристики хозяйственности или, по крайней мѣрѣ, удачнаго раскрытія отдѣльныхъ чертъ хозяйственности. Къ авторамъ этихъ попытокъ принадлежатъ Xenophon, Marquis de Mirabeau, François Quesnay, James Steuart, Melchiore Gioja, Fr. Bastiat, M. Block, K. Rodbertus-Jagetzow, Cort van der Linden, E. v. Philippovich, G. Schmoller.

Послѣдовательное приложеніе сознанія и воли и согласованіе сознанія и воли многихъ обусловливаются не только принятіемъ извѣстной руководящей точки зрѣнія, но и примѣненіемъ въ соотвѣтствіи съ нею оцѣнокъ. Благодаря этому, создается возможность сопоставленія и группировки отдѣльныхъ явленій по ихъ относительному значенію. При этомъ въ каждой отрасли культуры имѣютъ примѣненіе свойственныя данной отрасли спеціальныя оцѣнки. Реалистическое направленіе науки не можетъ, разумѣется, игнорировать тотъ фактъ, что въ дѣйствительной жизни изучаемыя явленія находятъ себѣ спеціальную оцѣнку и трактуются въ соотвѣтствіи съ такой оцѣнкой. Представляются одинаково неправильными какъ стремленіе дать социальнымъ наукамъ чисто объективное направленіе безъ всякаго отношенія къ оцѣнкамъ, такъ и противоположное этому стремленіе подчинить научное изслѣдованіе въ области хозяйствованія инымъ оцѣнкамъ, сверхъ экономическихъ, именно главнымъ образомъ этическимъ. Послѣднія уже въ силу своего односторонне-спеціальнаго характера не соотвѣтствуютъ условіямъ хозяйствованія и не могутъ дать положительнаго руководства въ отношеніи послѣдняго. По скольку же указанія этики представляются обязательными въ дѣйствительной жизни, они осуществляются этической стороною социальной жизни. Истинный смыслъ экономическихъ оцѣнокъ можетъ быть выясненъ, если остановиться на внутреннемъ значеніи высокихъ и низкихъ экономическихъ оцѣнокъ. Не о сравнитель-

ной важности или достоинствѣ подвергающихся оцѣнкѣ объектовъ или явленій при этомъ идетъ дѣло, но о возможности болѣе или менѣе свободнаго распоряженія ими. Подобная оцѣнка представляется, очевидно, на столько специальною, что не можетъ въ порядкѣ хозяйствованія регулироваться этической оцѣнкой.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о наименованіи науки о хозяйствованіи. Наименованіе ея политической экономіей, ставшее традиціоннымъ, возникло впервые въ началѣ XVII в. и получило распространеніе у физиократовъ и въ англійской классической школѣ. Первоначально наука или искусство хозяйствованія именовались экономикой, экономія же означала хозяйство или хозяйствованіе. Наименованіе политической экономіей, помимо своей обременительности, которой успѣли избѣгать многія изъ основныхъ наукъ, представляется также неточнымъ въ обѣихъ своихъ частяхъ: въ отношеніи первой части—такъ какъ понятіе политическаго, въ нынѣшнемъ словоупотребленіи, не характеризуетъ собою ни хозяйствованія ни науки о немъ, въ отношеніи же второй части—по самому образованію и первоначальному, а отчасти и современному примѣненію этого реченія. Въ новѣйшее время наименованіе этой науки экономикою получило распространеніе въ особенности въ американской экономической литературѣ. Что касается эпитета, каковыхъ существуетъ нѣсколько, то въ нихъ не представляется особой необходимости. Наименованіе экономики социальною или общественною представляется правильнымъ, но и излишнимъ, ибо иной экономики не существуетъ,—иные же эпитеты уже вносятъ неточность. Послѣ того какъ нѣсколько ранѣе въ русской литературѣ была отмѣчена правильность наименованія экономикою, но съ выраженіемъ сомнѣнія въ возможности усвоить его, теперь это наименованіе уже получаетъ нѣкоторое распространеніе. Наличіе двухъ синонимическихъ выраженій можно было бы использовать для приданія имъ различнаго отбѣнка въ пониманіи ихъ; экономикою можно было бы назвать либо совокупную систему экономическихъ знаній, относя къ ней теоретическую часть, фактическія данныя,

экономическую политику и финансовую науку, либо, наоборотъ, собственно теоретическую часть экономической науки. Ни то ни другое пониманіе не согласуются однако ни съ общераспространеннымъ словоупотребленіемъ ни съ образованіемъ этихъ выраженій. Распространяющееся въ новѣйшее время выраженіе: экономика требуетъ однако исполненія его въ комбинированномъ выраженіи: экономика и экономическая политика, — болѣе удачнымъ, нежели неблагозвучное сложное выраженіе: политическая экономія и экономическая политика. Въ указанномъ комбинированномъ выраженіи политика означаетъ специальную отрасль руководящей дѣятельности государства, формальныя основанія которой выясняются государственнымъ правомъ, а самое содержаніе ея по существу — соответствующей иной социальной наукой. Въ этомъ же смыслѣ можетъ быть, напримеръ, рѣчь и о политикѣ гражданскаго права.

(отдельный отискъ изъ 2-го вып. 31-го т. «Извѣстій Восточнаго Института», критика и библиографія, мелкія статьи и замѣтки, т. 1-й, вып. 2-й, № 14).

(Выпущенъ 1-ю сентября 1916 года).